

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРАТАХ

© 2012 И. С. Климас

*докт. филол. наук,
профессор каф. русского языка
e-mail: iklimas@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматривается актуальная проблема окказиональности в языке. Особое внимание уделено окказиональному слову в фольклоре как специфической сфере использования языка. Признаки и свойства фольклорных окказионализмов идентифицируются на фоне общеязыковых, авторских и диалектных окказиональных единиц.

Ключевые слова: категория окказиональности, язык фольклора, окказиональное слово.

Окказиональность – категория, которая вызывает споры исследователей со времени появления соответствующего термина [Фельдман 1957]. Неоднозначно понимаются сама сущность окказиональности, ее показатели, уровневые характеристики, критерии отграничения от других явлений и даже терминология.

Сущность категории окказиональности

Окказиональность обычно анализируется в оппозиции узуальности (воспроизводимости, каноничности, реальности языковых единиц). По мнению Э.И. Ханпиры, «вопрос об окказиональности и окказионализмах стоит на перекрестии вопросов о норме и системе, об актуальности (реальности) и потенциальности» [Ханпира 1972: 245]. Окказионализмы воспринимаются как несистемные образования, не реализовавшиеся в языке, остающиеся специфически речевым проявлением творческой личности. В соответствии с критерием возможности или невозможности языковой реализации обычно разграничивают потенциальные и окказиональные единицы, хотя иногда различия между ними видятся в продуктивности/непродуктивности модели. Потенциальные единицы могут рассматриваться и как разновидность окказиональных (*нелюбовность, бутылочноглазый*), наряду с собственно окказиональными (*любята, еуы*). Думается, что для фольклорной сферы это различие не актуально, поскольку окказионализмы заведомо не могут быть потенциальными словами: в лексиконе народной поэзии они являются функционально одноразовыми именно в силу своих семантико-структурных особенностей.

Как правило, окказионализмы выявляются исследователями на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях, однако в некоторых случаях речь идет также о фонетических, морфологических, синтаксических, фразеологических и даже стилистических окказионализмах.

Мы сосредоточим свое внимание на проблемах окказионального слова в фольклоре в сопоставлении со статусом окказионализмов в других подсистемах языка. Можно предположить, что данная категория по-разному проявляет себя в масштабе всего общенационального языка, языке художественной литературы, диалектах и языке устного народного творчества.

Язык фольклора – особая область использования национального языка, стилистически и функционально обособленная. Для нее характерно устное бытование, как и для диалектов; общность с языком художественной литературы заключается в том, что фольклор – это тоже творчество, хотя и коллективное; и в то же время язык фольклора – часть общенационального языка. Как эти комплексные характеристики влияют на сущность окказиональности? Ведь окказиональность – это одномоментное явление, выделяемое по принципу «здесь и сейчас», а фольклор по своей сути традиционен, каноничен. Существовая еще в дохристианском обществе как средство и форма накопления, сохранения и передачи знаний о мире, моральных устоях, ритуальной обрядности и т.д., фольклор по сути сакрализировался. Можно провести вполне уместную параллель между процессом переписывания церковных книг на Руси и передачей фольклорных произведений из уст в уста: и то, и другое требовало бережного отношения, максимального следования образцу. Однако иное название фольклора – устное народное творчество – подразумевает наличие импровизации, художественного основания для его развития.

Язык фольклора настолько своеобразная сфера использования национального языка, что для него оказываются нерелевантными многие языковые категории, для характеристики которых нередко требуются специфические термины. Напр., С.Е. Никитина описывает синонимы и антонимы в фольклоре как эквиваленты и оппозиции [Никитина 2009]. Особенно актуальным представляется рассмотреть проблему окказиональности и окказионального слова по отношению к фольклору.

Адекватность терминологии

Прежде всего, обратим внимание на терминологию. Для характеристики обсуждаемого явления существует множество терминов: «авторские неологизмы», «вербоиды», «индивидуально-авторские неологизмы (новообразования)», «индивидуальные неологизмы», «конситуативные слова», «писательские новообразования», «произведения индивидуального речетворчества», «слова *ad hoc*», «слова-метеоры», «слова-однодневки», «слова-самоделки», «стилистические неологизмы», «творимые слова», «творческие неологизмы», «художественные неологизмы», «эгологизмы», «эфемерные инновации» и проч. Не все из них следует признать удачными как для описания окказионального слова вообще, так и для описания окказионализмов в фольклоре в частности. Так, термин «вербоид» традиционно используется в лингвистике в ином значении, связанном с глаголом. Номинации «слова-метеоры», «слова-однодневки», «эфемерные инновации», подчеркивают кратковременность существования в речи, что противоречит такому важнейшему свойству окказионализмов, как синхронно-диахронная диффузность – «неспособность стариться» [Бабенко 1997]. По той же причине, а также в связи с различием функций должны быть отвергнуты наименования со словом «неологизмы». Термины, связанные с индивидуальной принадлежностью слов, нерелевантны для фольклора, поскольку в коллективном и существующем во времени во множестве вариантов произведений автор того или иного слова просто не может быть установлен. «Конситуативные» и «творимые слова» – ближе к объекту исследования, но характеризуют его несколько односторонне. Итак, именно термины «окказиональные слова» (в более широком смысле – «окказионализмы») и буквальное латинское соответствие «*ad hoc*» оказываются наиболее адекватными для фольклорной сферы. Окказионализмы – это, действительно, слова «для случая», созданные «по случаю», т.е. ситуативно и контекстуально обусловленные. Однако следует согласиться с Э.И. Ханпирой в том, что между сочетанием «окказиональное слово» и словом *оказия* связь не терминологическая, а этимологическая [Ханпира 1972: 249]. Поэтому слово окказионализм всё-таки далеко не однозначно. По нашему мнению, по отношению к

общелитературному языку и особенно языку художественной литературы его можно этимологизировать как «для случая» (осознанная случайность, здесь важна цель, акцент делается на суффиксе *-изм*), по отношению к языку фольклора – «по случаю» (= случайно, акцент на корне, главное не цель, а причина). О.С. Ахманова предлагает также термин «гапакс эйременон» – слово или оборот, употребленные один раз, для данного случая [Ахманова 2007: 95], но считает его полностью синонимичным сочетанию «гапакс легоменон» [Ахманова 2007: 95], из чего следует, что на первый план в таком определении выдвигается не конситуативность, а единичность использования.

Критерии окказиональности в различных сферах использования языка

Далее следует обсудить критерии окказиональности применительно к различным языковым сферам. В наиболее полном виде перечень этих критериев представлен в работе А.Г. Лыкова «Современная русская лексикология (русское окказиональное слово» [Лыков 1976].

1. Важнейшим критерием окказионального является **ненормативность**. Норма есть отличительный признак литературного языка, это канон, идеал, образец, она кодифицирована. Средством закрепления литературной нормы является главным образом письменный текст. В этих условиях окказионализм рассматривается как противоречие существующей норме. «Окказиональность есть известная степень незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы» [Ханпира 1972: 246] (*перихнуться*).

В языке художественной литературы, как известно, особая норма (*кудрявый облак*); она ощущается как определенный набор возможностей, лишь частично реализуемый в пределах художественного текста. Вслед за Л.А. Вербицкой можно утверждать, что сосуществуют две нормы: первая связана с наличием потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, предоставляемых языком как системой; вторая – отражение объективно существующей нормы, сформулированной в виде правил и предписаний [ЛЭС 1990: 352]. Очевидно, что окказионализмы в художественном тексте появляются в полном согласии с первой нормой – набором возможностей, – однако нарушают норму кодифицированную. К анализу единиц художественного текста нельзя подходить с той же меркой, которая используется при характеристике единиц литературного языка. Еще В.В. Виноградов предупреждал, что «нет ничего опаснее и вреднее ... как смешивать общий литературный язык, его стилистические нормы и вариации, и язык художественной литературы» [Виноградов 1961: 19]. Окказиональность в литературном произведении есть сознательное несоответствие кодифицированной норме, осуществленное в художественных целях. О.Г. Ревзина, рассуждая о поэтике окказионального слова, говорит: «Если считать, что через ОК в языке и языком говорит случай, то поэзия как в высшей степени обдуманное действие должна поставить заслон ОК. Между тем реальность обратна ожидаемому» [Ревзина 1996: 303]. Далее автор отмечает, что отношения человека с языком складываются в режиме несвободы: человек зависит от языка, но язык как знаковая система не зависит от человека. Что касается окказионализмов, «они вновь и вновь подтверждают семантику личностного отношения к языку и свободы от его власти»; «в поэтическом языке окказиональные слова реализуют в полном объеме возможности, данные языком слову. Они выступают как автономные, целостные и неделимые единицы, открытые действию стихотворных операторов – ритма, размера, рифмы, отношениям звукового сходства и паронимической аттракции; демонстрируют словообразовательную структуру как внутреннюю форму и становятся носителями индивидуально-авторской семантики...» [Ревзина 1996: 306]. Делается вывод, что

окказионализмы – «это больше король, чем сам король», они демонстрируют качества идеального слова и как бы подчеркивают их [Ревзина 1996: 306]. Итак, окказионализм в художественном тексте – важное средство выразительности, авторское слово (причем авторство осознанно декларируется).

Окказионализмы встречаются и в языковых сферах, характеризующихся устной формой бытования. Исследователи обращаются, например, к описанию окказиональных слов в диалектной речи. Проблема при этом видится в том, что в говоре, где языковая норма «не имеет кодифицированных предписаний» [Коготкова 1979: 235], окказиональное слово как таковое трудно отграничить от собственно диалектного, узкорегionalного, индивидуально-речевого [Головина 1987]. Отмечается, что объективная оценка узуальности/неузуальности слова может быть дана только на месте, непосредственно в процессе сбора материала, с учетом ситуации и характера коммуникативного акта (*предокошечный лес*) [Головина 1987: 106].

Для языка фольклора также характерна некодифицированность языковой нормы, однако в этой сфере действуют весьма определенные каноны организации звучащего текста, сакрализованные веками существования фольклорной традиции. И в то же время сущность фольклора как коллективного народного творчества с необходимостью приводит к изменениям. Исходя из сказанного, окказионализмы в фольклорном тексте должны восприниматься двояко. С одной стороны, возможно бессознательное несоответствие традиционному тексту, в отличие от сознательного несоответствия норме в языке художественной литературы. С другой стороны, появление окказионализмов можно объяснить стремлением следовать канонам при отсутствии (по каким-то причинам) стандартных средств выражения. Однако в тех же условиях возникают не только окказионализмы (*обрыскать, почарочек*), но и т.наз. «темные слова», также в связи с требованием адекватной замены элемента текста по какой-либо причине (*велерок, леверок, ливерок*); единственное различие между окказионализмами и темными словами состоит в читаемости семантики первых. Как отмечал еще В.Г. Белинский, «между русскими песнями есть такие, в которых слова как будто набраны не для составления какого-нибудь определенного смысла, а для последовательного ряда звуков, нужных для “голоса”. Уху русский человек жертвовал всем – даже смыслом» [Белинский 1954: 427–428].

2. Другим важнейшим критерием окказиональности признается **функциональная одноразовость**. Пожалуй, это единственный критерий, который не вызывает сомнений у исследователей общенационального языка, языка художественной литературы, диалектной речи, языка фольклора [Хроленко 1977]. Однако нельзя забывать об определении в словосочетании *функциональная одноразовость*: возможна повторяемость окказиональной единицы в условиях «здесь и сейчас»; применительно к фольклору это рамки одного произведения, по мнению А.Т. Хроленко – весь репертуар одного исполнителя [Хроленко 1977: 132]. На наш взгляд, всё же в последнем случае нарушается требование «здесь и сейчас», индивидуальное в пределах зафиксированного репертуара одного исполнителя свидетельствует об идиолектности, а не об окказиональности. Уместно провести параллель с выделяемыми диалектологами «индивидуализмами» – постоянно употребляемыми отдельными индивидами словами и формами, обладающими индивидуальной воспроизводимостью [Головина 1987: 107]. Таким образом, «все истинные окказионализмы могут быть зафиксированы лишь однократно, только в рамках одного контекста, но не все однократно зафиксированные единицы суть окказионализмы» [Головина 1987: 105–106].

3. Критерий **номинативной факультативности** для языка фольклора, как канонического искусства, очевидно, еще более важен, чем для других сфер использования национального языка.

4–5. Критерий **творимости** окказионализма адекватен по отношению ко всем анализируемым языковым сферам, однако, думается, его надо рассматривать вкуче с критерием **индивидуальной принадлежности**, т.е. с вопросом о том, кто является творцом окказиональной единицы. Оба критерия абсолютны в отношении языка художественной литературы, где авторство сознательно подчеркивается, декларируется; нередко удачные образования свидетельствуют об оригинальности и своеобразии творческой манеры, являются мерилом таланта (*фимиазмы, спортсмедный лоб, ненайденши*). В общенациональном литературном языке окказиональное слово в конкретном речевом акте может создать любой носитель, даже ребенок (*всехний*), однако автор бывает известен лишь при условии специальной фиксации, напр., исследователями детской речи [Чуковский 1970; Харченко 2001]. Если воспринятое реципиентами новообразование, вне упоминания авторства, воспроизводится в других речевых актах, его индивидуальная принадлежность утрачивается и слово перестает быть окказионализмом. То же можно сказать о диалектных окказиональных единицах. Язык фольклора как область коллективного искусства не позволяет судить об индивидуальной принадлежности окказионализма, хотя благодаря записям собирателей известны отдельные исполнители фольклорных произведений, употребившие (создавшие?) ту или иную единицу. Это скорее исключение, чем правило, тем более что не решен вопрос о том, что ценнее для исполнителя – точное следование традиции или индивидуальное творчество, где должна проходить тонкая грань между ними? Итак, в сферах, связанных с устной речью, критерий индивидуальной принадлежности окказионализма не работает при отсутствии фиксации акта его творения.

6. Критерий **экспрессивности** окказионализмов необходимо рассматривать исходя из их функций. Обычно выделяют номинативную, компрессионную, метрологическую и экспрессивную функцию – использование окказиональной единицы как средства речевой актуализации. Предполагается, что окказионализмы всегда экспрессивны уже потому, что всякая деформация языковой нормы, всякая актуализация (деавтоматизация) ведет к экспрессии [Ханпира 1972: 256]. Однако, например, данному требованию не удовлетворяют термины-окказионализмы, поскольку термин должен иметь нулевую экспрессивность. Критерий экспрессивности в полной мере релевантен для языка художественной литературы; в диалектной речи превалируют номинативная и компрессионная функции. Э.Д. Головина свидетельствует, что в устной речи необычность окказиональных образований говорящий, как правило, не фиксирует в силу речевого автоматизма (*поварварить*) [Головина 1987: 103]. Думается, что в языке фольклора данная функция также не является ведущей.

7. **Словообразовательная производность** окказиональной единицы входит в число критериев в зависимости от того, считаются ли окказионализмами только единицы лексико-семантического яруса языка. В противном случае должны учитываться и другие возможности, например, создание слова «ex nihilo», т.е. не из морфем, а, например, из звуков (*еуы*). В языке фольклора, в силу особых условий появления окказионализмов, в качестве таковых могут выступать лексикализированные фонетические явления; единицы, возникшие иными путями под влиянием ритмомелодической организации произведения (*прийокнуться*). Кроме того, как и в диалектной речи, бывает трудно разграничить явления, созданные носителями

фольклорной традиции, и издержки фиксации звучащей речи, изменения, возникшие в результате «произвола» собирателей, издателей и т.д.

8. **Синхронно-диахронная диффузность** окказионализма как одномоментность существования, неспособность стариться, собственно говоря, не может быть критерием для фольклорной сферы, поскольку по сути любая языковая единица здесь отвечает заданным условиям. В языке фольклора нет ни устаревшего, ни нового, здесь одновременно сосуществуют элементы различных стилистических и временных пластов, это «определенный континуум, где диалектически сплавлены его образующие, т.е. и конкретные народные говоры, и диалектный язык как система всех соответственных диалектных явлений, и общенародный язык в целом как метасистема русского языка, причем все эти элементы представлены в языке фольклора не только в их современном состоянии» [Оссовецкий 1975: 69].

9. Столь же несуществен для фольклорной сферы такой критерий окказиональности, как **принадлежность к речи**. Безусловно, окказионализмы несистемны и в общелитературном языке, и в языке фольклора, однако специфика последнего состоит в том, что он реализуется всегда и исключительно в сфере устной речи.

Итак, далеко не все критерии окказиональности, выделенные исследователями по отношению к литературному языку, релевантны для фольклорной сферы в силу ее специфичности: одни здесь вообще «не работают», другие не актуальны, третьи требуют уточнений.

Под окказионализмами применительно к фольклору мы понимаем не отмеченные в словарях редкие (главным образом единичные) слова с «читаемой» семантикой и своеобразной формой. Окказионализмы отличаются от единичных общеупотребительных слов тем, что не фиксируются в словарях, от «темных» слов – большей или меньшей прозрачностью семантики, от других одноразовых слов, не вошедших в словари, – непродуктивностью модели, индивидуальностью внешнего облика. Однако не всегда мы можем с уверенностью отнести лексическую единицу к тому или иному разряду, существует множество переходных типов; при этом лексикологу не обойтись, по выражению П.Н. Денисова, без «волевых решений» [Денисов 1980].

Окказионализмы рассматриваются как важная часть словаря фольклорных произведений разных жанров: причитаний [Горошкова 1966], народных лирических песен [Моргунова 1996]. По нашим наблюдениям, в словнике северных лирических песен [Климас 1998] окказионализмы составляют 0,9% от всех зафиксированных лексических единиц, в словнике беломорских былин [Праведников 1997] – 0,6%. Эти цифры сопоставимы с данными, полученными на другом материале при исследовании фольклорных произведений. Так, Н.И. Моргунова отмечает в курских фольклорных песнях 0,5% окказионализмов, включая «темные» слова [Моргунова 1996].

Одни фольклорные окказионализмы отличаются морфемным составом от общезыковых параллелей, однако моделей не образуют: *влодовать* (ср. *владеть*), *вровню* (*вровень*), *третьей* (*в-третьих*), *беспспросно* (*без спросу*), *вослышаться* (*услышать*) и т.п. В отношении других можно говорить об определенной модели, хотя части речи или словообразовательные форманты различны. Нами отмечены лексемы, образованные префиксальным способом; на фоне параллельных бесприставочных образований в узусе особенно явной становится абстрактно-усилительная семантика префиксальной морфемы, ср.: *приголубка* (*голубка*), *совторично* (*вторично*), *понадобно* (*надобно*), *прилюбимый* (*любимый*).

В нетипичном образовании некоторых окказиональных слов можно заметить аналогию с другими лексемами, получившими отражение в словарях. Чаще всего это

также нарах *legomena*, функционирующие в фольклорной сфере, но относимые составителями словарей к разным разрядам лексики. Например, *братницын* (ср. *сестрицын*), *бычевий* (ср. *коневий*), *посошенца* (ср. *монашенца*), *свисткоток* (ср. *шипоток*), *преглубистый* (ср. *пречистый*). Окказиональные лексемы образуются как от общеязыковых производящих основ, так и от диалектных (напр., *сколыматься*), архаичных, собственно фольклорных, просторечных (напр., *душечек* – существительное муж. рода, *спогульливенький*).

Специфические особенности словообразования могут объединяться с явлениями других уровней, например, *подобретый* (*забритый* – о новобранце), *вымастывать* (глагол несов. вида от *вымостить*). В некоторых случаях можно говорить о ложной этимологизации из-за сходства в звуковом облике слов, например, существительное *витье*, встречающееся в составе пары *прутье-витье*, означает собир. ‘ветки’, но в вариантах песни данное сочетание преобразуется в *прутья витые*.

Исследование окказионального слова в фольклоре порождает больше вопросов, нежели окончательных решений относительно статуса подобных образований. В дальнейшем представляется необходимой попытка разграничить мотивы, условия, причины и цели появления окказионализмов, установить их функции в фольклорном тексте. Следует осмыслить соотношения «окказиональное и собственно фольклорное», «окказиональное и диалектное», «окказионализмы и “темные слова”», рассмотреть проблемы диминутивных образований и лексикализованных фонетических явлений, а также явление порчи текста в свете теории окказиональности.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград, 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/baben_okk.php (дата обращения 26.01.2010).

Белинский В. Г. <Статьи о народной поэзии> // Полн. собр. соч. Т.V. М., 1954. С. 289–450.

Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 3–19.

Головина Э. Г. Параметры окказионального в речи диалектного типа // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии: межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1987. С. 103–110.

Горошкова Н. М. О лексическом многообразии языка русского фольклора: на материале «Причитаний» И.А. Федосовой // Ученые записки Новг. пед. ин-та. Т.11: Вопросы диалектологии и истории русского языка. Мурманск, 1966. С. 71–73.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Рус. язык, 1980. 253 с.

Климас И. С. Словник и частотный словарь северных песен из собрания А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» // Фольклорная лексикография. Вып.10. Курск, 1998. С. 41–72.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 332 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.

Моргунова Н. И. Лексика народной лирической песни Курской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1996. 18 с.

Никитина С. Е. Фольклорный мир и пути-дороги его тезаурусного описания // Дело всей жизни: сборник научных трудов. Воронеж, 2009. С. 117–125.

Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 69.

Праведников С. П. Беломорские былины: словник и частотный словарь // Фольклорная лексикография. Вып.8. Курск, 1997. С. 18–56.

Ревзина О. Г. Поэтика окказионального слова // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 303–308.

Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. №4. С. 64–73.

Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972. С. 245–317.

Харченко В. К. Словарь-тезаурус детской речи. Белгород: БелГУ, 2001. 214 с.

Хроленко А. Т. Проблемы окказионализма в устно-поэтической речи // Научные труды. Том 175. Проблемы ономазиологии. IV. Курск, 1977. С. 131–132.

Чуковский К. И. От двух до пяти. Изд. 21-е. М.: Дет. литература, 1970. 414 с.